

Записки путешественника на советский Север: шаблоны и сюжеты эпохи

НИКУЛИНА НАДЕЖДА

Тюменский индустриальный университет (Тюмень), Россия

e-mail: nadya-nika2006@yandex.ru

ТЕМПЛИНГ ВЛАДИМИР

Институт проблем освоения Севера ТюмНЦ СО РАН (Тюмень), Россия

После смерти автора эту рукопись с другими ненужными вещами пытались отправить на свалку, несмотря на то, что на первой ее странице красовалась надпись, способная вызвать любопытство почти у каждого человека. ДНЕВНИК – так номинировал свою рукопись Сергей Чертищев, двадцатилетний выпускник школы ФЗУ водного транспорта из Тюмени, которому в 1930 г. довелось стать участником заграничной командировки и рейда по Северному морскому пути в качестве моториста-практиканта теплохода «Комсеверопуть». Дневник недавно был опубликован [Чертищев, 2017].

Путевой дневник, созданный молодым мотористом – уникальный документ советской эпохи, который может быть полезен и интересен разным читателям. Но прежде всего тем, кто пытается разобраться в законах государственной системы, поощряющей одних и наказывающей других, кто размышляет о коллизиях свободы в сталинских лагерях и несвободы в пространствах океана, кто знает о неизбежности тоски по дому, в который не всегда можно вернуться. Биография автора опубликованного дневника – это история жизни человека из самой гущи советского общества, «советского человека» по самой своей сути. Родившийся в 1911 г., революцию, гражданскую войну и советские преобразования Сергей Герасимович Чертищев встретил и переживал в том самом возрасте, когда нормы, умения, навыки и ценностные ориентации, приобретенные в тесном семейном кругу, вступают во взаимодействие с внешними социальными факторами, в советское время приобретавшими характер тотальности. По всей видимости, конфигурация личностных компетенций нашего героя в результате этого взаимодействия оказалась оптимальной для наличной социальной ситуации для того, чтобы быть успешным. Свидетельство тому жизненный путь С.Г. Чертищева.

Современной историографии распространено мнение, что процессы, происходившие в советском обществе, являлись продолжением модернизационных тенденций второй половины XIX – начала XX в., но прерванных революциями и Гражданской войной. По мнению Б. Миронова формула советской модернизации состояла в «технологическом и материальном прогрессе на основе традиционных социальных институтов» [Миронов, т. 2, с. 333]. Важно наблюдение Р. Инглхарта и К. Вельцеля о том, что секулярное сознание эпохи индустриализации не менее догматично, чем прежнее религиозное, а культурные традиции накладывают на бытующие в обществе представления мировоззренческого характера устойчивый отпечаток. Догматичность сознания определяется самой организацией промышленного производства, построенного на принципах строгого подчинения, требовавшего исполнительности, неукоснительного следования технологическим предписаниям и т.п.

[Инглхарт, Вельцель, 2011]. Новые практики и модели поведения, определяемые и насаждаемые советской идеологией, наслоились на фундаментальные ценностные ориентации, каркас которых был сформирован под влиянием традиционного религиозного сознания. Внешний характер усвоенности новых правил ощутил и ярко отразил в своих записках старший современник и земляк С.Г. Чертищева А.С. Аржиловский [Аржиловский, 1992; Долгушина, 2017].

Родился Сергей Герасимович в Надеждинском заводе в типичной для бурно развивающейся России начала XX века семье вятских крестьян, но уже оторвавшихся от земли. Большая семья рано осталась без отца, умершего от тифа. Для страны начала 1920-х гг., постепенно высвобождавшейся от дурмана гражданской войны, ситуация привычная. Кто знает, как бы сложилась дальнейшая их судьба, но свою положительную роль сыграло то обстоятельство, что Чертищевы еще не были вполне городскими жителями. Пространственно переместившись в город, но возвращенные в лоне традиций крестьянского общежития, даже покинув родные места и внешне оторвавшись от земли, они продолжали оставаться их носителями. Традиции взаимопомощи, ценностные ориентации, характерные для крестьянского мировоззрения вполне ярко просачиваются сквозь маловыразительное, по-крестьянски немногословное повествование.

Летом 1930 г. молодой человек вместе с командой специалистов отправляется в заграничную командировку, где на верфях Шихау по заказу Комитета Севера строились пять теплоходов для обслуживания Северного морского пути. Маршрут четырехмесячного путешествия протянулся почти на 13 тысяч километров от Тюмени, через Омск, Ленинград, далее по Балтийскому морю до Гданьска, по железной дороге до Штетина, затем, получив на верфи новые корабли, транспортный конвой пошел Балтийским, Северным морями вдоль берегов Норвегии, трассами Северного морского пути до Енисея. Конечный пункт плавания – Красноярск.

Каждая запись этого дневника путешественника – свидетельство, отмеченное нарочитой конкретностью деталей с точностью датировок, географических объектов и т.д. Без лишних предисловий уже на первой странице автор рукописи констатирует: «Из Омска выехали в Ленинград 1-го июля 1930 года с поездом № 83 в 11 часов 25 минут. Тюмень проехал 2-го июля в 7 часов утра, забежал на станции в ларёк к Кичигиной». Такая точность напоминает о жанре отчета и одновременно о значительности миссии летописца, который не делает различий между личным и общим, значительным и второстепенным, т.е. сам является частью истории.

Юный летописец не ищет особенных слов для отражения потока переживаемых им событий, а пользуется теми, к которым привык, не избегая повторов, простых сравнений и просторечной лексики. Так, например, свои первые впечатления от прогулок по Ленинграду он излагает нарочито лаконично: «Ленинград понравился и оказался гораздо лучше, чем я думал о нём раньше, и он своими постройками перецеголял Москву. Ровные прямые улицы, красивые 4-этажные дома, все ровные. . . ».

«Ровные улица», «красивые», «чистота», «порядок» – главные лексемы, которые использует автор рукописи для описания зарубежных городов, через которые пройдет маршрут его путешествия («Сегодня в час дня подошли к г. Хорштадт, который расположен в красивой местности, город небольшой, но улицы мощенные, чистота, бегают авто»). А употребление вместо прилагательного «красивый» слова «шикарный» в отношении немецкого городка Штетин становится знаком особого восторга. Примечательно, что, характеризуя города заграницы, Чертищев настойчиво делает акцент на чистоте улиц, на чистой одежде людей, тем самым отражая типичные для своего времени реакции советских людей, оказавшихся на Западе, и

обязательно сравнивает их условия жизни со своими, разумеется, в пользу последних. Однозначность таких оценок опять же диктуется идеологическими штампами, характерными для человека советской формации. Так, например, веским аргументом в отрицании красивой и чистой жизни в Германии является факт увольнения немецких рабочих, о котором Сергей Чертищев мог услышать от политработников или прочесть в советских газетах: «В настоящее время на верфи занято 2000 рабочих, с окончанием работ по теплоходам оставляют всего 300 чел., остальных увольняют».

Записи первых дней путешествия по городам Германии пестрят оговорками и фактами оценочного характера под углом советской идеологии. Так, например, в поле зрения Чертищева попадает эмигрант, который «... стоит, поет, просит, чтобы его взяли в Советский Союз». Описывая немецкие магазины, советский путешественник считает очереди нормой жизни и даже свидетельством благополучия и соответственно критикует заграничный порядок. Собственно, историческая ценность рукописи в некоторой степени и обусловлена специфичностью взгляда советского человека 30-х годов XX столетия на реалии своей и чужой жизни. Идеологические шаблоны определяют его оценки зарубежного социального пространства, где изобилие товаров является маркером эксплуатации «трудового народа», при этом он избегает лексем «бедность» или «нищета», предпочитая обходиться явно политинформационным – «неплатежеспособность».

От внимания читателей этого дневника путешественника не может ускользнуть такая деталь, как особое внимание автора к теме еды и к ценам на различные товары. Например, он считает важным описать качество своего рациона с первых дней путешествия. Еда становится маркером благополучия в описаниях заграничной жизни, но обязательно с намеком на какой-то изъян: «Пицца хорошая, сегодня пили кофе со сливками, с колбасой, маслом, мясом и т.д., ешь сколько хочешь, хлеб белый, но плохо то, что пресной. . . ». В описаниях корабельных будней часто сетует на качество готовки, ругая повара, а к концу экспедиции на нехватку пресной воды. Нередко в описаниях трапезы встречается просторечная лексика: «Сегодня давил какао, да густое, приелось уже, предпочитаю чай». Несколько раз в тексте рукописи встречается глагол «шамать», демонстрирующий традицию речевого поведения рабочего класса.

Интерес к бытовой составляющей – это, с одной стороны, естественная для советского человека озабоченность, обусловленная дефицитом продуктов, недоступностью каких-то товаров, а с другой стороны, это признак человека делового, пожизненно ловкого, но погруженного в быт. На протяжении всего дневника Чертищев фиксирует детали, демонстрируя некоторые особенности своей натуры и даже намекая на собственную исключительность. В частности, он неоднократно говорит о своей стойкости в отношении морской качки и о том, что ему завидуют другие моряки. Он не засиживается долго на вечеринках с другими моряками и не употребляет алкоголь. Правильный, дисциплинированный, выносливый, он даже в минуты отдыха не забывает о своей миссии вести записи.

Тем не менее, само путешествие становится для автора записок выходом за пределы повседневного опыта, за пределы бытовых проблем в героическое пространство, где он сам герой, участник грандиозного проекта освоения Севера. Хотя о значении Карской экспедиции Чертищев в своих записках почти ничего не говорит (только пару раз сообщает о докладах на тему экспедиции в формате политического занятия), вырезки из газет, которые представлены в рукописи, выполняют роль авторитетных комментариев и свидетельств важности летописания. Так, например, вырезка из газеты про порт на острове Диксон не просто значимая публикация

о местах и событиях, свидетелем которой является автор рукописи, но и некий дискурс северной героики, продолжателем которого себя чувствует и Чертищев. С особым вниманием он следит за судьбой встретившегося ему в путешествии настоящего героя (о котором пишут в газетах) Бориса Чухновского. В записках даны описания человека, его самолета и подробно рассказывается эпизод, когда Чертищев фотографирует авиатора и обещает ему выслать фотокарточку. Он наклеивает в свою тетрадь фоторепродукцию летчика, вырезанную из газеты, и сам свидетельствует о его внешности и обаянии: «Чухновский немного художав, волосы не черные, но и не блондин, начинает лысеть, энергичный, веселый, вносил на совещании дельные предложения, и его все внимательно слушали». За его судьбой Чертищев будет следить на протяжении жизни, спустя годы в этой же тетради появится еще одна газетная вырезка о Чухновском, теперь уже с официальным материалом на смерть героя, которую можно датировать сентябрем 1975 года. Сдержанный в описаниях событий и людей, Сергей Чертищев почти не отбирает факты, а записывает все то, что видит сам и считает важным: координаты судна, технические характеристики кораблей, качество питания и, конечно, все то, что попадает в поле его зрения во время несения вахты: берега, люди, погода и т.д. На первый взгляд, он пишет без лишних претензий на создание шедевра, не причисляя себя к талантливым литераторам-летописцам, хотя, велика вероятность, что был хорошо знаком с жанром путевого очерка, поскольку именно на 1920-1930-е годы выпадает пик расцвета эта жанра. Например, в журнале «Новый мир» тех лет существует рубрика «По советской земле», где печатаются очерки по поездкам корреспондентов в советские деревни, а в журнале «Сибирские огни» функционирует специальная рубрика «Внутреннее обозрение Сибири», где публикуются материалы о достижениях народного хозяйства и героическом освоении Севера. Но мы склонны считать, что Чертищев не обеспокоен проблемами своего стиля и языка вовсе не по причине своей крайней скромности, а, напротив, на основании особой уверенности в своем таланте, который по юности лет и в соответствии с образованием и духом времени, несколько им переоценивается. Неоднократно в рукописи Чертищев упоминает о том, что именно он является ответственным за стенгазету и выполняет это поручение быстро и хорошо. Аргументом в пользу нашего суждения является и тот факт, что через несколько лет после экспедиции Сергей Герасимович Чертищев будет нести службу именно по литературной части в должности уполномоченного Обллита по г. Тюмени и Тюменскому району, а затем уполномоченного Обллита Омской области.

Возможно, именно путешествие на теплоходе «Комсеверопуть» помогло выпускнику тюменской школы ФЗУ стать человеком, который нужен системе, т.е. её типичным героем. И именно в свете такой типичной для времени трансформации из незаметного человека в значительного формируется особая ценность этой рукописи, истории о превращении молодого тюменца в Одиссея советской формации.

Список литературы и источников

- Аржиловский А.С. Дневник 36 – 37-го годов // Урал. 1992. №3. С. 138 – 160.
Долгушина Е., Никулина Н., Темплинг В. Андрей Степанович Аржиловский: Голос из прошлого // Большое городище. 2017. №4(37). С. 62 – 74.
Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): В 2 т. - 3-е изд., испр., доп. СПб.: Дмитрий Буланин, 2003. Т.2. 584 с.
Никулина Н.А., Темплинг В.Я. Одиссей советской формации: Предисловие к дневнику нежертвы // Большое городище. 2017. №4(37). С. 146 – 160.

Чertiщев С.Г. Дневник // Большое городище. 2017. №4(37). С. 161 – 234.